

СТУДЕНТ ИЗ ТОТЬМЫ НИКОЛАЙ РУБЦОВ

В. А. Притчина

Тотемский лесной техникум, с которым было связано два года жизни поэта Николая Рубцова, относился к категории учебных заведений всесоюзного значения и подчинялся Управлению учебных заведений Министерства лесной и бумажной промышленности СССР. Созданный на базе лесной школы, он был открыт 7 ноября 1930 года и располагался в западной части города в зданиях бывшего Спасо-Суморина монастыря. Он готовил кадры для лесной промышленности нашей страны.

К сожалению, сведений о пребывании в нем Николая Рубцова удалось собрать немного: помогли встречи с преподавателями и учащимися техникума, материалы научного архива Тотемского музейного объединения, а также выявленные документы — пять приказов, в которых фигурирует фамилия Николая Рубцова, хранящиеся в Тотемском районном архиве.

В начале 1950-х годов в Тотемском лесном техникуме существовали следующие отделения: лесозаготовительное, лесоскладское и отделение строительства и эксплуатации лесовозных дорог, которое и выбрал Коля Рубцов после неудачных попыток поступления в учебные заведения Риги и Ленинграда. Об этом свидетельствует приказ № 83 от 19 сентября 1950 года, подписанный директором техникума Александром Федоровичем Воробьевым. В приказе Николай Рубцов идет под двадцать четвертым номером по списку. Это новое отделение, открывшееся в 1948 году, готовило техников-технологов по строительству узкоколейных железных дорог.

По данным научного архива Тотемского музейного объединения в техникуме на 1 января 1951 года обучалось 272 студента. На отделении, где учился Николай Рубцов — 73 человека. Это были жители различных районов Вологодской области. По окончании техникума студенты направлялись на работу в северные и северо-восточные области СССР.

В Тотьме и Тотемском районе и сегодня проживают бывшие учителя и выпускники этого учебного заведения, с ними и состоялась моя встреча. Преподаватель техникума Эльвира Федоровна Попова, бывшая его выпускница, подсказала, что в городе живет Юрий Николаевич Лукин, который учился примерно в одно время с Николаем Рубцовым, возможно, он владеет какой-либо информацией. Юрий Николаевич в свою очередь посоветовал обратиться к своему земляку Николаю Павловичу Брызгину, который с Николаем Рубцовым проживал в общежитии в одной комнате.

Однокурсника Николая Рубцова я отыскала в деревне Коченьга Тотемского района. Николай Павлович родился в 1934 году, почти ровесник Николая Рубцова. Вот так выглядел бы поэт, если бы он остался жив — эта мысль не покидала меня при разговоре с рубцовским однокурсником.

С того времени прошло более пяти десятилетий, многое в памяти стерлось, но кое-какие детали все-таки удалось выяснить. Например, какие экзамены абитуриенты сдавали при поступлении в техникум — писали контрольную работу по математике, диктант по русскому языку, а также пересказывали Конституцию СССР. Студенты, приехавшие с районов, обеспечивались общежитием. Оно располагалось в корпусе братских келий. Николай Рубцов проживал в комнате под номером шесть, кроме них здесь проживало еще два или три студента с первого курса. Она располагалась через одну комнату от столовой, окна ее выходили на южную сторону — на реку Песью-Деньгу. В комнате стояли кровати, заправленные байковыми одеялами. Имелись стулья и табуретки, столик, а на стене висел черный динамик, который слушали по вечерам. Проживание в общежитии было платным — семь рублей в месяц. Студенты из малообеспеченных семей и сироты освобождались от оплаты. Приказом № 90 от 7 октября 1950 года на основании представленных документов, от оплаты за проживание в общежитии был освобожден Коля Рубцов.

Николай Павлович помнит, что Коля был шустрым, живым мальчиком. Иногда вместе с ним ходили в город, посещали кинотеатр «Октябрь», гоняли мяч на здешнем стадионе. Стипендию получали 140 рублей. «Не густо», — говорит Николай Павлович. Особенно трудно было малообеспеченным. Тогда сами студенты решили организовать кассу взаимопомощи, собирали со стипендии по три рубля, а потом распределяли наиболее нуждающимся. Кассиром был Сергей Багров. Очевидно, какую-то сумму приходилось получать и Николаю Рубцову.

Питались в столовой техникума.

Утром — чай, хлеб, каша.

В обед — первое блюдо, каша, чай.

На ужин — то же самое.

На первом курсе изучали общеобразовательные предметы, на втором курсе появились специальные дисциплины: технология лесозаготовок, строительная механика.

Преподавательский коллектив лесного техникума в 1950 году состоял из шестнадцати человек (трое из них были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»). Русский язык и литературу преподавала и ныне живущая в Тотме Анна Феодосьевна Корюкина. В ее личном архиве хранится фотография преподавателей лесного техникума. В центре — директор техникума — Николай Николаевич Сумароков, в первом ряду слева — преподаватель спецдисциплин Колосков. Справа — преподаватель физики Борис Устинович Попов. Возле директора во втором ряду слева — Николай Геннадьевич Куканов — преподаватель физкультуры и военного дела. Справа от директора — Феодосий Дмитриевич Ермолинский, преподаватель электротехники, рядом с ним — Иван Алексеевич Юферев — преподаватель химии и технологии металлов. Вверху, слева на фотографии — Илья Арсентьевич Борзенин, который преподавал тяговые машины и механизмы и завуч Иван Васильевич Королев. Среди мужчин две

женщины: Анна Феодосьевна Корюкина и преподаватель математики Нина Николаевна Алексеевская.

По воспоминаниям Анны Феодосьевны, учащиеся техникума в основном были выходцами из сельской местности. Одеты были плохо. И на этом фоне обратил на себя внимание Николай Рубцов. Привлекал его внешний вид: светлая сорочка, шерстяной хороший костюм, на ногах хорошие башмаки, все это начищено, наглажено.

Нина Николаевна Алексеевская помнит его веселым, смелым в разговоре с кем бы то ни было, иногда задиристым, самолюбивым: «Начинался новый 1950–1951 учебный год. В группе первого курса первый день учебного года начинался уроком математики. До начала урока я зашла в аудиторию проверить, все ли готово к занятиям. С заднего стола ко мне подошел мальчик небольшого роста, худощавый, с ясными, веселыми глазами. Очень свободно, безо всякой скованности и смущения заговорил со мной. Попросил пересадить его за первый стол. “Тебе оттуда плохо видно? — Нет, там, на Камчатке я буду шалить”. Кто-то из мальчиков поменялся с ним местами, и Рубцов сел за первый стол. Коле Рубцову тогда не исполнилось и пятнадцать лет».

Далее Нина Николаевна вспоминает: «На уроках он занимался хорошо, был внимателен, выполнял упражнения, часто задавал вопросы, иногда просил повторить что-то еще раз, писал контрольные хорошо. Один раз получилось так, что Рубцов плохо написал контрольную. Кто-то из ребят сказал: “Да уж поставьте ему тройку”. Он как-то переменялся в лице, обернулся и резко сказал: “Меня не надо жалеть”. В перерыве он подошел ко мне и попросил разрешения еще раз написать контрольную. Математические способности у него были хорошие. Но учился он только на “хорошо”, а мне казалось, что он мог бы учиться на “отлично”. Я решила поговорить с ним.

В ответ на вопрос, что ему мешает, он сказал, что математику дома он совсем не учит, он помнит все, что было на уроке.

— По-видимому, этого не достаточно.

— Мне математика не нужна.

Я попыталась доказать, что математика нужна, что она потребуется уже на втором курсе при изучении общетехнических дисциплин.

— Я в техникуме учиться не буду, я буду моряком.

Когда я сказала, что и моряку нужна математика, он ответил, что он будет “совсем простым моряком”. Говорил он спокойно, но достаточно решительно. Видно было, что все у него основательно продумано и решено. Экзамен по математике за первый курс он сдал на “хорошо».

В соответствии с положением о переводных экзаменах решением педагогического совета от 14 июля 1951 года, учащиеся, успешно сдавшие экзамены, переводятся на следующий курс. На второй курс отделения строительства и эксплуатации лесовозных дорог перевели Николая Рубцова. В списке он идет под шестнадцатым номером.

Из воспоминаний Н. Н. Алексеевской: «О его литературных возможностях я тогда не имела представления. Однажды я зашла в комнату общежития к своим ребятам. Поздоровались, и кто-то сказал: “А у нас гость”. На кровати с гармошкой в руках сидел Рубцов. Перед моим приходом он играл и пел какую-то песню.

Один из ребят сказал: “Он сам сочиняет”. Но тогда я не обратила внимания на эти слова. Я вспомнила их потом... В одном из номеров стенгазеты “Кадры-лесу” полоса была заполнена частушками, внизу стояла подпись “Н. Рубцов”».

Преподаватель литературы Анна Феодосьевна Корюкина рассказывает: «Я тогда не верила в талант Рубцова. Ребята рассказывали, что он стихи про маму пишет, но он не любил это афишировать. Учился просто, легко, с увлечением».

Вспомнила Анна Феодосьевна такой эпизод: «На уроке литературы изучали Пушкина. Вызвала Колю к доске.

— Что будешь читать?

— “Памятник”, — и Николай Рубцов раскинул в сторону руку.

После прочтения спросила его, как понимает слово “нерукотворный”. Он объяснил состав слова, а про смысл сказал:

— Нерукотворный, это стихи для будущего, значит, не руками творить для будущего.

Тут ребята и посмеялись над ним:

— Колька, ты ведь и сам стихи пишешь.

Он сразу как-то застенялся от их слов, но я не вникла тогда в эти сказанные ребятами слова. У него были любимые поэты, очень любил стихотворение Лермонтова “Мцыри”, нравилась Кольцова “Песня бобыля”. Очень восхищался романом “Евгений Онегин”, особенно его поразила рифма онегинской строфы».

«Зимой Николай Рубцов носил свои тетрадки в голенищах серых валенок, — вспоминает Анна Феодосьевна, — очень любил, когда в ближайших деревнях топили бани, видимо, они напоминали ему родную Николу. Все ждал, когда исполнится ему пятнадцать лет, чтобы уехать на море.

— Там в море волны и ребята смелые, — говорил Рубцов».

По мнению Анны Феодосьевны, Николай Рубцов в техникуме жил безбедно, сиротам выдавали бесплатные талоны на питание в столовой. Иногда ребята даже просили Николая продать их.

В Тотемском районном архиве хранится еще один приказ от 22 апреля 1952 года, подписанный директором Николаем Николаевичем Сумароковым. Передаю его содержание: «Учащиеся второго курса строительного отделения (среди них назван и Николай Рубцов) 21 апреля 1952 года открыли окно аудитории № 2 и ходили по карнизу главного корпуса до 4 аудитории, чем грубо нарушили правила внутреннего распорядка и допустили проступок, в результате которого возможны несчастные случаи. За совершенный проступок указываемые товарищи заслуживают строгого наказания, но, учитывая откровенное признание в совершенном поступке, названным учащимся выговор».

В беседе с однокурсником Николая Рубцова Н. П. Брызгиным выяснилось, что он тоже принимал участие в этой проделке, и даже указал конкретное место, где это происходило. Друзьями Николая по лесному техникуму были Сергей Багров, Валентин Борзенин. Старостой в их группе была Ия Шилова, участница многих общих проделок.

Почти все, с кем я беседовала, выясняя отдельные факты его биографии того времени. Говорили, что учился в техникуме он недолго — всего год. Обнаруженные в архиве приказы утверждают другое — Николай Рубцов проучился в техникуме два курса, то есть половину учебного процесса. Права была Н. Н. Алек-

сеевская, которая в своих воспоминаниях писала: «Весной 1952 года я зашла в канцелярию учебной части. Около стола секретаря стоял Рубцов. Он обернулся и сказал: “Вот, уезжаю”».

Так уехал из Тотьмы, оставив учебу, Николай Рубцов. Последний приказ, обнаруженный в архиве гласит об исключении Николая Рубцова из техникума. Это приказ от 7 августа 1952 года (шестой параграф), подписанный директором Сумароковым: «Учащихся, показавших крайне низкую успеваемость, слабую подготовку и нежелание учиться из числа учащихся техникума исключить...». Тринадцатым в списке идет Николай Рубцов.

Можно предположить, что Николай Рубцов весной 1952 года уехал из Тотьмы, не взяв документов из техникума, так как ехал в неизвестность и, может быть, в случае чего предполагал вернуться. Но поскольку он не вернулся, из числа студентов его исключили.

«В последующие годы, — вспоминает Анна Феодосьевна Корюкина, — Рубцов всегда во время посещения города, заходил в техникум, там учились никольские девочки, и он их навещал. Одет был очень плохо, в черное, коротенькое, перекрашенное из шинели пальтишко и серые валенки. Когда увидела его в книге Багрова нарядно одетым, даже не поверила, что это он».

В доме Анны Феодосьевны Николай Рубцов бывал неоднократно: «Бывало, встречу в городе, заходи, ему говорю. — Обязательно зайду, — непременно отвечал будущий поэт».

Таким было это время... Время учебы Николая Рубцова в Тотемском лесном техникуме.